

КОНСПЕКТЫ ПО ГЕОПОЛИТИКЕ 3

Александров Н.Н.

Американская геополитическая школа

Николас Спикмен

Прямым продолжателем линии адмирала Мэхэна стал американец голландского происхождения **Николас Спикмен** (1893–1943). (Иногда его фамилия переводится как Спайкмен) Абсолютный прагматик, Спикмен рассматривал геополитику через призму утилитарности – как инструмент конкретной международной политики, как метод и систему формул, позволяющих выработать наиболее эффективную стратегию, с помощью которой США могут скорейшим образом добиться «мирового господства».

Из моделей Ратцеля и Макиндера Спикмен удалил «излишества»: из одной – «метафизическую чепуху», из второй – переоценку геополитического значения центра, что по-иному высвечивало возможности военного могущества СССР.

Он лишил «центр» самостоятельной геополитической миссии и исторического импульса и выкинул из истории его влияние на срединные цивилизации. Ключ к мировому господству переместился, а геополитическую формулу Макиндера Спикмен заменил своей: «Тот, кто доминирует над береговой зоной, доминирует над Евразией; тот, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках». Как это часто бывает у американцев, Спикмен преподнес свою формулу как нечто радикально новое – на самом деле речь шла лишь о нюансах относительно взглядов Макиндера.

В его концепции идеи Мэхэна и Макиндера были интегрированы в целостную геополитическую и геостратегическую концепцию «с американской точки зрения». Разрабатывая геополитику в рамках концепции стратегической безопасности США, Спикмен выдвинул **принцип «интегрированного контроля над территорией»**, который должен осуществляться Америкой по всему миру в целях недопущения усиления геополитических конку-

рентов. Придерживаясь вслед за Маккиндером идеи противостояния моря и суши, Хартленда-СССР и океанической Америки, Спикмен, однако, счел геополитической осью мира не неподвижный Хартленд, а зону противостояния – **Римленд (rimland), пограничную зону Суши и Моря, тянущуюся вдоль границ Хартленда через Европу, Ближний и Средний Восток, Индию и Китай.** Держава Хартленда осуществляет давление на эту зону, пытаясь объединить ее под своим контролем, в то время как США должны осуществлять политику сдерживания и, следуя заветам Мэхена, удушения континентальной державы, насыщая Римленд своими военными базами и создавая там военно-политические союзы.

Спикмен выдвинул *10 критериев* для определения геополитического могущества государства, развил на этот раз взгляды Мэхэна. Это: территория, границы, полезные ископаемые, население, этническая однородность, уровень социальной интеграции, экономико-технологическое развитие, финансовую мощь, политическую стабильность, национальный дух.

Но в истории геополитики он останется, пожалуй, в связи с тем, что ввел понятие *«Срединного Океана»*, построенного на аналогии со Средиземным морем в истории цивилизаций древности и Атлантическим океаном в новейшей западной истории. В увеличенном планетарном масштабе оба берега Атлантического океана: американский и европейский – являются ареалом самой передовой западной цивилизации, как это было некогда со Средиземным морем.

«Срединный океан» становится «внутренним морем», объединяющим фактором для «атлантического континента», весьма своеобразного: в центре него, как некое озеро, располагается Атлантический океан. Эта «новая Атлантида» базируется не только на единстве западного интеллекта, политической и технологической судьбы, но и на общности западноевропейской культуры, с ее этикой, на идеологии либерал-капитализма, на общих формах демократии. Прагматик Спикмен здесь впадает в мифотворчество и органические аналогии: по берегу озера (Западная Европа и Восточное побережье

США) расположен мозг нового «атлантического сообщества», а «нервным центром и силовым механизмом» являются США, с их торговым и военно-промышленным комплексами. Европе отводится почетная роль «мыслительного придатка» США.

Поскольку при этом геополитические интересы США становятся доминирующими для всех держав Запада, должна сокращаться и политическая суверенность европейских государств. Власть переходит к особой инстанции, объединяющей представителей всех «атлантических» пространств и подчиняющейся приоритетному главенству США. Спикмен недолго пребывал в роли утописта: в процессе создания «Северо-Атлантического Союза» (НАТО) произошло все, о чем он грезил. Планетарная гегемония США стала реальностью.

Спикмен считал, что контроль над береговыми территориями Евразии со стороны «морских держав» приведет к окончательной и бесповоротной победе над сухопутными державами. Под необходимость контроля подпадали Европа, арабские страны, Индия, Китай и Россия. Планетарная «анаконда» у Спикмена приобрела завершённую форму петли-удавки.

Концепция Спикмена существенно повлияла на принципы американской внешней политики и в особенности стратегии в «холодной войне», прежде всего в 1950-60 годы (доктрина Трумэна и т. д.).

Нельзя не отметить геополитическую эффективность стратегии Спикмена, «архитектора мировой победы либерал-демократических стран» над Евразией. Но не будет ли она пирровой победой? – вопрос времени.

Послевоенные геополитики

Во второй мировой войне только США могли позволить себе роскошь геополитического проектирования. Этому способствовало не только географическая удаленность страны от основных очагов конфликта, но и стратегическая беспомощность остальных субъектов войны, прежде всего – Германии а также истощенность России войной.

В начале 60-х годов в Соединенных Штатах сочли необходимым подвести окончательные итоги второй мировой войны и оценить результативность послевоенной системы экономико-политического регулирования, известной как «План Маршалла». Требовалось также наметить основные контуры стратегии США в развернувшемся противоборстве с СССР, поскольку апокалиптическая «Доктрина гарантированного взаимного уничтожения», принятая правительством Д. Эйзенхауэра, не имела никакого позитивного содержания.

Именно в этот период формируется новая американская геополитическая школа. К концу первого послевоенного десятилетия обрели власть и влияние такие ее представители, как **А. Шлезингер** и **Г. Киссинджер**, несколько позднее – **З. Бжезинский**. Для США характерно не противопоставление, а смешение правовых императивов с геополитическими: все, что соответствует геополитическим интересам Америки, соответствует международному праву.

Развитие межконтинентальных баллистических ракет и выход СССР из «кольца окружения», завоевание им позиций на Кубе, в Африке и т.д. привели к переинтерпретации американской геополитической концепции в духе принципов «динамического сдерживания», осуществляемого на всем геополитическом поле, а рост мощи стран «третьего мира» привел к постепенному отказу от жесткого дуализма в американской геополитике.

* * *

Выдвинем гипотезу: в политической и ментальной истории Нового времени мы наблюдали явное перемещение доминирования от Великобритании (первая буржуазная революция, новое общественное устройство, право, передовая наука, техника и торговля) к Германии (опоздавшей к разделу геополитического пирога, но самой классической «тягловой» капиталистической стране), а затем – к США, которые реализовали идеи германского империализма, не будучи обременены таким количеством несговорчивых соседей, и научились извлекать выгоды из всех войн на чужих территориях. Анало-

гично развиваются обслуживающие и отображающие данный процесс геополитические теории. Сами теории, даже будучи приняты на прямое вооружение, как в случае с Макиндером или Гитлером, повлиять на исторические процессы, обладающие чудовищной инерционностью, в принципе не способны. Но они создают иллюзию, что инструментальный рационализм обладает неким могуществом и может состоять при политике в качестве главного визиря. Очень многие претендуют на это опасное место.

Период бинарности и отход от геодоминанты

Начало этого этапа – сложившаяся дуальность геополитической ситуации после второй мировой войны. Она быстро перешла в «холодную» стадию, и это оказался не худший вариант развития событий.

Противостояние двух сверхдержав было в первую очередь идеологическим. Территориальный аспект геополитики, бывший до этого основным, стал теперь подчиненным идеологическим и технологическим аспектам в борьбе двух систем, что потребовало пересмотра основ геополитики.

Дальше всех в таком пересмотре ушел французский генерал и ученый **П. Галлуа**, полностью отказавшись от географического и «энвайороментального» детерминизма. Он одним из первых выдвинул тезис о том, что с появлением новейших телекоммуникационных систем, авиации, космонавтики и ядерного оружия магическая «власть территории» пожухла и ушла в тень. Он также утверждал, что наблюдается процесс возрастающего прямого вмешательства населения в политику и что для геополитического будущего человечества это может оказаться непредсказуемым фактором.

Таким образом, доминирование переместилось из области естественного набора факторов (геодетерминизма) **в область искусственного**: гонки технологий, войны идеологий, ресурса свободы социального устройства и управления. От понимания, что природа «навязывает» человеку политику, произошел переход к тому, что она его всего лишь «ориентирует». Это на-

шло отражение в ряде теорий, в которых оттачивались отдельные аспекты, объединенные затем французским генералом.

Между концом войны и началом серийных космических полетов в геополитику ворвалась в качестве главного фактора реактивная авиация, переживавшая тогда свою золотую пору. По **А.П. Северски**, паритетная дуальность мира, причем уже на глобусе, была задана в форме двух огромных «кругов воздушной мощи» США и СССР (западное полушарие – против большей части «мирового острова»). Она успешно просуществовала как объяснительная схема до 60-х годов и в качестве основы и реакции на нее породила несколько более-менее новых геополитических точек зрения. Сюда можно отнести взгляды С.Б. Козна, Б. Рассела, К. Грея.

Так, **Саула Коэн** выделил два типа мировых регионов: геостратегический и геополитический. Это уже был уход от принципа биполярности, потому что в набор геодетерминант вносился существенный нюанс. Как видно, биполярная «океанически-континентальная» геополитика хороша только как идеологическая схема, но утомительно действует своим однообразием на массовое сознание.

В области геостратегии поначалу ничего особо нового мы не обнаружим. Здесь главенствует теория двух миров: это – мир морских держав, желающих торговать и потому хороших (включая Англию, США, Южную Америку, Карибский бассейн, прибрежные страны Европы, Магриб, Африку южнее Сахары, островную Азию и Океанию), и евразийско-континентальный мир, торговать не желающий, поэтому нехороший («хартленд» вкупе с Восточной Европой и Восточной Азией). Но наряду с этой парой Коэн допускал возможность выделения самостоятельного региона стран Индийского океана (бывшее Британское содружество наций). Кроме того, между двумя геостратегическими регионами располагаются, по его мнению, плохо структурированные страны Ближнего Востока и Юго-Западной Азии, находящиеся в переходном состоянии от бывших колоний к возможным региональным объединениям. Их плохая структурированность объясняется от-

сутствием у них геополитических стержней и непрекращающимся давлением двух главных сил извне. История взаимоотношений США с арабскими странами последнего десятилетия показывает, что такое давление резко усиливается, как только делаются малейшие попытки этого региона усилить свою мощь и структурироваться.

Геополитику Коэн трактует скорее компонентно-иерархически, используя такое центральное понятие, как *геополитический регион*. Столь значимый регион должен иметь свои существенные признаки качественного единства (социальные, культурные, экономические, политические) и состоит либо из одной большой страны, либо из совокупности малых стран. Мимо Коэна не прошел процесс объединения Европы, который он воспринял как возникновение третьей супердержавы.

Под влиянием идей С.Б. Коэна развивается *концепция региональной геополитики*, основанной на иерархическом принципе.

Коэн выделяет **четыре геополитических иерархических уровня**: геостратегические сферы – Морская и Евразийская, имевшие первостепенное значение для прежней геополитики; геополитические регионы – сравнительно однородные и имеющие свою специфику части геополитических сфер – такие как Восточная Европа, Южная Азия и т.д.; великие державы – США, Россия, Япония, Китай и интегрированная Европа, имеющие свои ключевые территории; новые державы – вошедшие в силу сравнительно недавно страны третьего мира, такие как Иран, и не оказывающие еще решающего воздействия на глобальный геополитический порядок. Наконец пятый иерархический уровень – это субнациональные территории – «ворота», международные центры, обслуживающие коммуникации между государствами.

Распад СССР и прекращение жесткого центрирования мировой политики на противостоянии Суши и Моря привели к дестабилизации мировой системы и ее регионализации. В регионах идет интеграция, и они постепенно становятся ведущим геополитическим уровнем, формируя «многополярный мир». Однако этот многополярный мир все больше расслаивается по уровням

развития, для дифференциации которых Коэн предлагает использовать понятие энтропии – уровня неопределенности, хаоса, утраты динамической энергии. К регионам с низким уровнем энтропии относятся страны Запада и, в меньшей степени, Хартленд, Средний Восток; очень высокий уровень энтропии отличает «черную» Африку и Латинскую Америку. Именно высокоэнергетичные и низкоэнтропийные страны и формируют, по Коэну, мировой геополитический баланс, в то время как высокоэнтропийные выступают в качестве постоянного источника проблем и нестабильности – формируют «дугу кризисов», по выражению известного политолога Збигнева Бжезинского (которого нельзя относить к собственно геополитикам).

Американский политолог **К. Грей** считает, что геополитика касается взаимосвязи международной политической мощи и географического фактора. Под ней подразумеваются: «высокая политика» безопасности и международного порядка; влияние длительных пространственных отношений на возвышение и упадок силовых центров, а также то, как технологические, политико-организационные и демографические процессы сказываются на весе и влиянии соответствующих стран.

Далее можно назвать три тенденции. Во-первых, возобладали процессы интеграции в тех регионах, которые подросли в тени «двух столкнувшихся баранов» и начали обходить бывших мировых лидеров на крутых экономических поворотах. Одно за другим проследовали «экономические чудеса» в бывших странах гитлеровской коалиции, а затем – в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Во-вторых, произошел постепенный переход от бинарной схемы к полицентризму, и это – важнейший процесс, связанный с общей закономерностью социальной эволюции (переход от интегрированного к дифференцированному).

Создалась особая геополитическая ситуация после развала СССР и лагеря социализма, когда разрушилась напряженная бинарность, чреватая мировой войной. Но она требует уже отдельного обсуждения.

Кроме того, мы еще не исследовали третью линию в истории геополитики, которая существовала и существует в России, как минимум в теории опережая западные идеи на один-два шага.

«Регионалистская» концепция, предложенная Коэном, дает две возможности для своего дальнейшего развития – идея доминирования низкоэнтропийных высокоразвитых стран ведет к формированию концепции «однополярного мира», центрами которого выступают США, Европа и Япония как три силы, обладающие одинаковой политической системой, высокоразвитой экономикой и интересами, исключаящими их войну друг против друга. Американский политик **Айр Страус** выдвинул *концепцию глобального униполя*, основанного на дружелюбии, сотрудничестве и общих демократических ценностях. По мнению Страуса, прочность этого униполя зависит от вхождения в него России, без которой база для глобального униполярного лидерства становится ограниченной.

Для геополитиков этого направления характерна идея вечности или долговременное сложившегося после окончания «холодной войны» геополитического порядка, **идея «конца истории»**, по известному афоризму **Френсиса Фукуямы**. Противоположное направление связано с ростом «оборонного сознания» в США, констатацией того факта, что регионализация ведет к утрате глобального геополитического доминирования США, появлению противостоящих центров. Самое яркое выражение это нашло в **концепции столкновения цивилизаций** американского политолога **Сэмюэля Хантингтона**.

«Американская школа» прославила геополитику, но она же и профанировала ее, сначала редуцировав философское учение до научной дисциплины, а затем низведя науку к статусу политической доктрины. Весьма ярко это проявилось в нашумевших в 1990–2000-х годах в работах С. Хантингтона.

Теоретической базой построений Хантингтона является концепция «культурно-исторических типов», предложенная Н. Данилевским, и модель взаимодействия цивилизаций, разработанная А. Тойнби. Однако ни Данилев-

ский, ни Тойнби, ни Хаусхофер не проводили границ между цивилизациями ради политической конъюнктуры.

По его мнению, для нашего времени характерна тенденция к десекуляризации – возвращению к религиозной идентичности больших регионов, а значит, *ведущую роль отныне играют локальные цивилизации, противостоящие глобальной цивилизации Запада* по принципу **the West and the Rest** (Запад и Остальные). Наглядной моделью для иллюстрации концепции Хантингтона является рост исламского фундаментализма. В этих условиях Западу придется предпринять большие усилия для сохранения своего доминирования в противостоянии сразу нескольким конкурирующим цивилизационным центрам.

ГЛОССАРИЙ

Атлантизм (родственно терминам Вода, Море, талассократия. Sea Power) – сложное геополитическое понятие; соединяет в себе: исторически – западный сектор человеческой цивилизации, стратегически – союз западных стран, в которых главенствует либерал-демократическая идеология, военно-стратегически – страны-участницы НАТО, социально – ориентацию на «торговый строй» и «рыночные ценности» (модель – США).

Противоположно евразийству.

Аэрократия – греч. «власть посредством воздуха». Силовой компонент стратегии, основанной на освоении воздушного пространства и его использовании в целях геополитической экспансии. Развитие авиации, в отличие от развития мореплавания, своего собственного номоса не породило, став лишь развитием талассократического принципа.

Биполярный мир (биполяризм или двухполярность) – естественная геополитическая конструкция, отражающая в планетарном масштабе основной геополитический дуализм – талассократия против теллуократии.

Блок – объединение нескольких государств, значительно изменяющее их стратегическое и геополитическое качество, выводящее их на более высо-

кий уровень планетарной деятельности. По закону «пространственной прогрессии» образование блоков – неизбежный процесс.

Богатый Север – то же, что атлантизм. Запад и либерал-демократический мир.

Внутреннее море (*mare internum* – лат.) – термин, обозначающий водное пространство, заключенное внутри сухопутного теллурократического объема, а поэтому не являющееся стратегической или культурной границей.

Внутренний океан – термин означающий то же, что и «внутреннее море», только в планетарном масштабе. Также Срединный океан.

Восток – то же, что Второй мир.

Второй мир – название социалистического лагеря в период «холодной войны». После конца «холодной войны» означает Евразию.

Геополитический дуализм – основной принцип геополитики, утверждающий в качестве двигателя исторического процесса противостояние талассократии и теллуократии.

Геостратегия – военные аспекты геополитического анализа.

Геоэкономика – ответвление атлантистской геополитики.

Рассматривает пространство в утилитарно-экономическом смысле. Одна из приоритетных дисциплин «талассократического» анализа.

Дисконтинуальный пояс – термин Коэна. Разорванные береговые зоны с неопределенной, переменной ориентацией, могущие повернуться как к теллуократическому континенту, так и к талассократическому морю.

Единый Мир (*One World* – англ.) – см. мондиализм.

Запад – синоним талассократии, атлантизма.

Империя – сверхгосударственное образование, объединяющее несколько народов и стран под эгидой универсальной идеи – религиозного, этического или идеологического характера.

Интеграция – в геополитике означает многообразные формы объединения нескольких пространственных секторов. Интеграция может осуществляться как на основе военной экспансии, так и мирным путем. Существуют

несколько путей геополитической интеграции – экономический, культурный, языковой, стратегический, политический, религиозный и т.д. Все они могут привести к одинаковому конечному результату – увеличению стратегического и пространственного объема блока.

Либерализм – мировоззрение, сочетающее в себе левые (минималистический гуманизм, индивидуализм, этнический и культурный эгалитаризм) компоненты в области политики и правые (рынок, приватизация, частная собственность, капитализм) в области экономики. Правящая идеология атлантистского лагеря. Политическим выражением либерализма является либерал-демократия.

Минимальная геополитика – прикладная дисциплина, заимствующая от подлинной геополитики некоторые термины и методику, но оставляющая в стороне базовый геополитический дуализм.

Многополярный мир – на современном этапе чисто теоретическая концепция, предполагающее сосуществование нескольких Больших Пространств. Возможен только после преодоления однополярного мира.

Мондиализм – от фр. monde «мир» (в смысле «world», а не «peace»). Особая идеология, предполагающая слияние всех государств и народов в единое планетарное образование с установлением Мирового Правительства, уничтожением расовых, религиозных, этнических, национальных и культурных границ.

Существует «правый» мондиализм и «левый». Правый представляет собой глобализацию атлантизма. Левый считает необходимым включить в Единое Государство и евразийский сектор (на том или ином основании).

Неоатлантизм – современная версия атлантизма, отвергающая мондиализм (даже правого толка) как преждевременный и невыполнимый в данных условиях проект. Считает, что вместо Единого Мира произойдет столкновение цивилизаций.

Новый мировой порядок – то же, что мондиализм и проекты по созданию Мирового Правительства.

Однополярный мир – геополитическая модель, сложившаяся после поражения СССР в «холодной войне». Единственным доминирующим полюсом является атлантизм и США.

Прикладная геополитика – термин Лакоста. Использование геополитического инструментария применительно к микропроблемам регионального уровня без учета основополагающих принципов. Также минимальная геополитика.

Пространственной прогрессии закон – сформулирован Жаном Тириаром. Звучит так – «от государств-городов через государства-территории к государствам континентам». Географическая динамика политической истории неумолимо ведет к увеличению масштабов минимальных социальных образований.

Регионализм – ориентация на автономность периферийных пространств. Имеет несколько форм – экономическую, культурную, политическую

Срединный океан (Midland Ocean) – термин Спикмена. Атлантический океан, если рассматривать Северную Америку и Европу как единое геополитическое пространство.

Столкновение цивилизаций – термин Хантингтона. Теория перманентности и неснимаемости геополитических конфликтов на цивилизационном уровне.

Третий мир – общее название слаборазвитых стран, принадлежащих преимущественно регионам геополитического Юга.

Юг – в сакральной географии регионы беспорядка, смещения и вырождения. В современной геополитике – Третий мир, слаборазвитые страны, где не утвердились либерально-демократические принципы.

Linkage – термин Киссинджера. Атлантистская стратегия по соединению дисконтинуального пояса Евразии в сплошную территорию, подконтрольную Западу.

One World – мондиалистская концепция Единого Мира. См. также Конец Истории.